

В Финской национальной опере/по-своему отметили юбилей Моцарта

Потрясая шаманским бубном

Голяра Садых-заде

Буйные лесные девы, потрясая круглыми щитами и короткими мечами, стайкой вынеслись на сцену. Бубенчики позвякивали на мягких сапогах с оленьей опушкой, рваные клочья синих юбок вихрились вокруг бедер. Так началась «Волшебная флейта» в Финской национальной опере — спектакль, в котором на материале Моцарта неожиданно претворилась финская национальная идея.

Опытной рукою режиссера Юсси Тапола «Флейта» была пересажена на финскую почву, обросла фольклорными деталями и напиталась типично северной экзотикой. Действие разворачивается в дремучей чаще хвойного леса, где обитают нимфы, летучие эльфы и бродят лапландские шаманы. Слоистые базальтовые скалы, сумрак буераков и тишь прогалин, куда редко заглядывает солнце, — таково пространство сценического действия (сценограф — Анна Контек). Сосновый бор изображен на суперзанавесе в гиперреалистической «шишкинской» манере: до последней хвойной и сломанной веточки.

Правила игры заданы с самого начала: мы — в далекой северной стране, царстве ночи и зимы. Длинный синий шлейф Царицы

живаться сценическое действие.

Сказка, сочиненная Эммануэлем Шиканедером, либреттистом «Флейты», была о борьбе света с тьмой, Солнца с Ночью и добродетели с низменными страстями. В интерпретации Тапола мasonicкая дидактика исчезает, сменяясь притчей-иносказанием о том, как однажды в пустынную северную страну, где издревле обитали колдуны и маги, пришло новое знание с Запада. В могомечевом противостоянии схлестнулись две культуры: архаическая — и новая, основанная на рационализме.

Образы природы создают весьма поэтическую атмосферу, умелые проекции меняют настроение каждой сцены. Вдруг чудится, что ты вместо «Флейты» смотришь постановку «Руслана и Людмилы»: антураж уж очень напоминает пещеру Финна, носителя древней магии. Северные области Финляндии и впрямь издавна славились могучими колдунами и волшебниками: Пушкин имел все основания вывести в своей поэме и злобную Нанину, и мудрого Финна. Однако в спектакле Тапола в роли неудачливого шамана неожиданно выведен веселый птицелов Папагено. Добряк и балагур попал как гвоздик между молотом и наковальней в сшибку двух культур.

рюшки: лисица, кролик, пума, медведь и ужасно смешной ежик. Кошмарный похотливый мавр Моностагос (Перти Мякеля) изображен азиатом, в тюбетейке и халате. Его племя — неотесанные косматые лесные жители вроде неандертальцев: ходят согнувшись, полуголые, рычат и носят грубые берестяные панцири, сплетенные на манер лаптей.

Настойчиво педантируется «нордическая тема» с обязательным набором аксессуаров — оленьи рога на шляпке Первой Дамы, красные кисточки и шнурочки, болтающиеся на замшевой куртке Папагено... На губы болтуна птицелова Дамы насаживают не амбарный замок (как того требует традиция), но заклочку из березовой коры. Любой предмет быта и обихода словно позаимствован из ближайшего магазина сувениров: берестяные коробочки, лукошки, деревянные кадушки и яркие полосатые гольфы на ногах кудрявых мальчишек (гениев, ведущих Тамино). Тоо much, как говорится, слишком много этих северных примочек: постановщики в своем рвении создать самобытную «финскую» «Флейту» явно перестарались.

Оперу Моцарта поют на финском языке: и это, в общем, правильное решение. Либретто Ши-

В исполнении финских артистов опера Моцарта приобрела отчетливый национальный колорит.

Ночи (ее партию спела Анна-Кристина Кааппола) поддерживают в воздухе два эльфа, а вокруг космос, стужа и куда-то в бесконечность летящие звезды.

Шаманский кожаный бубен — вместо чудесных колокольчиков Папагено (Вилле Русанен); кривой полый сук — вместо серебряной флейты Тамино (Йорма Силвасти). Сам принц вроде бы пришел из сопредельной Швеции. Зарастро с толпой приверженцев, скорее всего, прибыли из бюргерской Германии, или Фландрии — если судить по фасонам чепчиков, строгим суконым платьям и покрою сортуков паствы. Еще во время звучания увертюры жрецы Зарастро, чинно вышагивая гуськом, приносят в ладонях неугасимый «свет с Запада»: его сияние прогоняет резвящихся нимф. Так с самого начала недвусмысленно обозначается драматургический конфликт — ось противостояния, вдоль которой будет раз-

Впрочем, эта коллизия опосредованно отражена и в либретто Шиканедера: Папагено — слуга Царицы Ночи, ловит для ее сада певчих птиц (птицы свисают на веревочках над сценой, почти как в спектакле Ахима Фрайера). Увлекаемый принцем Тамино на путь совершенствования, птицелов, хоть и не выдерживает испытаний до конца, все-таки оказывается в лагере Зарастро: такая судьба простаков, они по жизни должны быть кем-то ведомыми.

Спектакль Финской оперы протекает довольно оживленно: в сценическую ткань вкраплены балетные сцены (хореограф — Айти Вуоланто), есть масса сценических эффектов. Нестрашный дракон с неподвижной мордой виляет хвостом — потом, отрубленный, хвост будет валяться на сцене, пугая Папагено. Когда Тамино заиграет знаменитую мелодию волшебной флейты, вокруг него запляшут преуморительные зве-

кандера изобилует разговорными диалогами; комичные рассуждения Папагено о цели и смысле жизни (всласть поспать, поесть, попить и найти хорошенькую женушку), сцена его знакомства с Папагеной.

Конечно, угловатый, полный двоящихся согласных язык Суоми заметно проигрывает в напевности венскому диалекту. Впечатляюще спел партию Тамино молодой тенор Йорма Силвасти. Его голос обладал чарующим для русского уха свойством: непринужденностью и свободой подачи звука. Певец и ростом вышел, и статью; и хотя это был его дебют (на премьере пел другой состав), похоже, Йорма оказался неплохим приобретением для спектакля.

Дирижировал Микко Франк: он вел спектакль старательно и в целом профессионально, хотя в его трактовке недоставало драйва, смелости и подлинного упоения волшебной музыкой Моцарта.

28.03.06